

© 2012 г. А.Ф. ЖУРАВЛЕВ

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА У РУССКОГО НАРЕЧИЯ

В русских диалектах существует небольшая, с нечеткими границами, группа наречий, обладающих грамматической категорией числа. В статье рассматриваются наречия, восходящие к формам творительного падежа. В подавляющем большинстве случаев формы множественного числа наречия являются маркированными (*нешками, космачами* – только о многих), единственного – немаркированными (*нешком, космачом* – и об одном, и о многих). Число у наречия является несинтаксической категорией. Она представляет собою постепенно угасающее явление.

Ключевые слова: русские диалекты, наречие (часть речи), грамматическая категория числа, творительный падеж, маркированный – немаркированный, несинтаксическая категория

There is a small and vague group of adverbs in Russian dialects that possess a grammatical category of number. In this article we cover those adverbs that trace back to the forms of the instrumental case. The vast majority of plural forms of adverbs are marked (*нешками, космачами* – about many only). The vast majority of singular forms of adverbs are unmarked (*нешком, космачом* – about single and many). The number of adverb is a non-syntactic category, which disappears gracefully.

Keywords: Russian dialects, adverb, grammatical category of number, instrumental case, marked – unmarked, non-syntactic category

В нашей статье более чем тридцатилетней давности было высказано суждение о том, что неверно считать русское наречие частью речи, которой принципиально не свойственно словоизменение (за исключением форм сравнительной степени у группы качественных наречий) [Журавлев 1980: 226–235]¹.

¹ Устойчивыми оказываются представления о том, что отсутствие изменяемости, не исключая грамматических форм числа, составляет принципиальную особенность наречия в любом языке, где оно выделяется как особая часть речи; ср.: «В любом языке должны быть слова, не обладающие ни одной из форм категории числа. Только на их фоне появляются и существуют формы числа. Такие слова есть: междометия, союзы, частицы, предлоги, наречия, инфинитив <...> [В эту подсистему] попадают и сами числительные, у которых отсутствует формально выраженная грамматическая множественность» [Карпов 1998: 117] (разрядка наша. – А. Ж.). Относительно числительных можно заметить, что автор процитированного высказывания к таковым относит, очевидно, только количественные слова *два, девять, шестнадцать...*, не обнаруживая числительных среди «классических» частей речи, которые обладают грамматической категорией числа (ср. *миллионов, четвертыми, удваивали...*; см. на этот счет систематизацию М.В. Панова [Панов 1966: 76]). Что же до наречия «в любом языке», то автора приведенной цитаты, если мы правильно поняли его суждение как универсалистское, можно упрекнуть в невнимании к фактам лингвистической типологии. Мы уже ссылались на замечание Л.В. Щербы о неосновательности точки зрения, «будто наречия по существу являются неизменяемыми», и опровержение этого мнения примером франц. *tout* (ср. также итал. *tutto*, исп. *todo*; могут быть привлечены параллели в немецких диалектах: *ein ganzer guter Mann – eine ganze gute Frau*). О случаях изменения неизменяемых слов, помимо прочего – о согласовании наречия в роде и числе, говорят индийские грамматики. Авторы описаний разных в генетическом плане языков флективного строя не только обнаруживают следы словоизменения в системах наречия, вторичных по отношению к главным частям речи (для многих языков это можно считать едва ли не обычной картиной), но нередко находят грамматические оппозиции этого рода живыми. В нахско-дагестанских, например, язы-

При пестром генезе наречия как части речи не вызывает удивления просвечивание в его системе следов прежнего грамматического существования. Меняя свой частеречный статус, приобретая адвербиальные функции, слово может в остаточном виде сохранять оппозиции утрачиваемых грамем². В разных языках с развитой морфологией заметным явлением оказывается адвербиализация падежных форм имен, знающих категорию числа, поэтому числовые оппозиции могут иметь место в грамматической подсистеме наречия. Но суть даже не столько в сохранении наречиями следов именных грамматических противопоставлений в «окаменелых», «застывших» формах, сколько в принципиальной возможности на этой подоплеке складываться новым противопоставляемым формам – уже внутри собственно адвербиальной сферы.

Другое дело – пользуются ли языки этой возможностью. В немалых случаях тождественноосновные наречия с разными формантами, восходящими к флексиям одних и тех же падежей имен существительных и прилагательных, но в разных числах, противопоставляясь формально, не обнаруживают различий в значениях и должны квалифицироваться как словообразовательные варианты, разве что иногда осложняемые некоторыми стилистическими расхождениями, ср. русск. (литер. и диал.) *впервой* : *впервые*, *сперва* / *сперву* : *спервых*, *издавна* : *издавних*, *зачастую* : *зачастые*, *напрямую* : *напрямые*, *сызмала* / *сызмалу* : *сызмалых*, *налегке* : *налегках*, *впотье* : *впотьях*, *невторопи* : *невторопях*, *заочью* : *заочми* и т. п. (обращает на себя внимание, что здесь преобладают наречия, восходящие не к «чистым» падежам, но к предложно-падежным формам). Однако у иных формально сопряженных единиц семантические противопоставления сохраняются (или развиваются вновь, если наречия не выводятся прямо из падежных форм, а формируются уже без обязательной оглядки на имя) и требуют оценок в качестве особого грамматического (словоизменительного) явления.

В упомянутой нашей статье дело касалось соотносительных наречий *верхом* : *верхами*, *пешком* : *пешками*, *босиком* : *босиками* и однокоренных с ними, которые генетически связаны с числовыми формами творительного падежа существительных и о которых мы говорили как об обладающих категорией числа. При этом в идеальном случае первые члены этих пар употребительны, когда речь идет о единственном отправителе действия (передвижение и т. п.) или носителе состояния (положение тела в пространстве и т. п.), а вторые – о неединственном. Однако такое идеальное распределение наречных форм и семантики в пределах говора или идиолекта наблюдается сравнительно редко, вернее было бы судить о «плюративах» и «сингулятивах» как соответственно маркированных и немаркированных членах противопоставления.

С достаточной определенностью об этом высказывается В.И. Даль, у которого две из упомянутых пар отражены именно в оппозиции – соотносительными парами: *верхом* наречие <конем, на коне, сидя на лошади или на ином чем>, но обычно разум<еют> <сидя раскинув ноги>; о многих говор<ится> *верха́ми* [Даль I: 184]; *пешко́м* ... О многих говор<ится> *пéшками* [Даль III: 551]³.

Сравнительно надежны и противопоставления, которые формулируются в рязанском Деулинском словаре. В силу своего дифференциального характера формы *босиком*, *пешком* этот лексикон не включает, но толкование «плюративных» форм сопровождается в нем аккуратными ограничительными оговорками: *босика́ми* «босиком» (о нескольких людях), *верха́ми* то же, что *верхом* (о нескольких всадниках), *пешка́ми* «пешком» (о не-

ках, кроме приобретения наречиями показателей разных локативов, усматриваются и числовые противопоставления; ср. аварск. «внутри» (находиться, сидеть и т. п.): ед. ч. *жани-в* (о мужчине), *жани-й* (о женщине) – мн. ч. *жани-р*; за консультацию мы признательны М.Е. Алексееву. Однако может статься, что В.А. Карпов, произнося выражение «такие слова есть», имел в виду только русский язык: в статье он оперирует исключительно русскими примерами.

² Ср. сохранение видо-временных оппозиций в отглагольных именах деятеля *создатель* (*Ватикана*) (с перфектным значением) : *созидатель* (*будущего*). О мерцании, например, видовых и залоговых оттенков в русских наречиях см. в [Пешковский 1956: 112–113]. Примеры могут быть значительно умножены.

³ Далевскую накорневую акцентуацию наречия *пéшками* образцы, которые поставляет современная диалектная лексикография, не подтверждают.

скольких людях) [Деулинский словарь: 63, 78, 401]. Особенно заслуживают интереса металингвистические рефлексии самих носителей диалекта: «[Когда говорят “пешком”, а когда “пешками”?] – П’ашкám’и – ёта када́ мно́га» [Там же: 401]; обратим внимание на то, что «сингулятивная» форма в этом ответе респондента осталась без комментария, что может подтверждать ее немаркированность.

Другие диалектные словари, цитированные в упомянутой статье, дают менее определенные сведения. Например, Псковский словарь, построенный, в отличие от Деулинского, на недифференциальном подходе, форму *верхом* иллюстрирует текстуальными примерами, в которых фигурирует имя отправителя действия и, соответственно, глагол только в единственном числе, форма же *верхами* сопровождается иллюстрациями только с множественным субъектом [Псковский словарь 3 : 101], но в толковании (‘на спине лошади, свесив ноги по бокам’) ограничения на грамматическую сочетаемость ни в том ни в другом случае не формулируются. А пара наречий *босиком* : *босикám* ‘без обуви и чулок, не обувшись’ дает иную картину: форма *босикám* также присутствует только в контекстах с множественным отправителем действия или неопределенно-личных предложениях «Бъсикám *пашли́* ф Съкало́ва, а абúтки в рука́х взяты», «Туда́ басикám не *хóдят*: га́даф мно́га»), но примеры к статье *босиком* демонстрируют едва ли не полный спектр синтаксических возможностей («В вьскрясе́ньи *де́фки* – то́лько пýты хламо́цуть – бьсиком *пляшуть*», «Кали́ сашйэ́ мужы́к сапаги́, таг да цэ́рки *или* басиком»), «Малати́ть *идёш* басиком да гувна́», фразеологизм *Христос по душе босиком пробежал* – о высшей степени удовольствия [Там же 2: 130]).

Положение дел в словарях, однако, прямо не опровергает идеи наличия у некоторых наречий в том или ином говоре или группе близких говоров грамматического противопоставления по числу, но в ряде случаев скорее толкает к мысли о неполноте описания или о нерешимости диалектологов такое грамматическое явление констатировать. Впрочем, здесь для лингвиста труднопреодолимым моментом является весьма малое количество наречных единиц с обсуждаемой особенностью, тогда как сознание привычно тяготеет к пониманию грамматической категории как свойства, присущего если не всем и не большинству, то значительному количеству единиц выделяемого класса (части речи и т. п.).

Сейчас, с продолжением сводного «Словаря русских народных говоров», приростом областных словарей и изданием списков а *tergo* к ряду лексиконов (в первую очередь Инверсионного индекса к СРНГ), возникла возможность расширить примеры на упомянутые слова, найти новые противопоставления интересующего нас характера, выйти за пределы охватываемой наречиями предметно-семантической области, которая на меньшем материале была очерчена ранее. Существенной задачей настоящей работы является уточнение грамматического статуса противопоставления по числу, обнаруживаемого у наречия: относится ли оно к области согласовательных (синтаксических) фактов или же к явлениям семантическим, когда выбор формы наречия не определяется жестким образом числовой формой слова (преимущественно глагола), с которым в пределах предложения наречие связано синтаксической зависимостью.

Для наблюдений выбраны наречия с финалями, соотносимыми с именными флексиями творительного падежа в обоих числах.

Здесь мы сознательно ограничиваемся только русскими данными, несмотря на встречаемость сходных адвербиальных образований и за пределами русского языка, ср. ст.-блр. *верхами* ([ГСБМ 3: 132]: «...едучы на коняхъ верхами обадва...», XVII в.), ст.-укр. *верхами* ([ИСУЯ I: 220]: «Ихали изъ Бугарешти до Царигорода верхами пятнадесять днй», XVIII в.), укр. *верха́ми* ([Гринченко I: 139]: «про кількох або багатьох вершників» – [СУМ I: 335]: «А москалі їй назустріч, як один, верхами» – Т. Шевченко; «...посланці верхами кинулися з двору в різні сторони» – Панас Мирний), *пішкáми* ([Желехівський, Недільський II: 655], польск. *pieszkami* (устар.), трактуемое в качестве производного от *pieszek* ‘тот, кто ходит пешком, пешеход; пехотинец’ («*Tłuszcze szły za nim p<ieszkami> z miast*» – ‘Толпы шли за ним пешком из городов’), *czołgiem, czołgami* ‘ползая, ползком’ ([Linde II: 701; I: 373; Warsz. słownik IV: 171; I: 395], без примеров

употребления формы на *-ami*); см. **čylgati*, известное только в польском, словинском и украинском [Sławski I: 124; ЭССЯ 4: 141]... Ссылаясь на материалы Общеславянского лингвистического атласа (вопросы 3 210–3 212), но не комментируя грамматическую семантику форм, И.А. Попов, кроме русск. *пешками*, приводит чеш. диал. *pěškami* [Попов 1972: 172]; ср. ст.-чеш. *pěškami*, которое В. Махек [Machek: 446], видимо, ошибочно, связывает с реконструкцией **pěš-sky > pěšky*, против чего русск. диал. *пéшки*, укр. *пішки* ‘пешком’ и т. д. Очевидно не ранняя природа, фрагментарность и незавершенность адвербиальной эмансипации форм творительного падежа делают сомнительным праславянский возраст таких сходств; для северославянских случаев **pěšьkami* предпочтительнее предполагать если не независимое параллельное происхождение, то по крайней мере относительно поздний ареальный характер.

Прибегая к повтору текстуальных данных, показанных ранее, лишь тогда, когда возникает необходимость прокомментировать их в соответствии с целями настоящей работы, попытаемся дополнить и суммировать наши наблюдения. В предлагаемый ниже обзор включаются только наречия, у которых в диалектах и (для диалектных «плюративов» *пешками*, *босиками*) в литературном языке обнаруживаются формальные корреляты «другого числа». Это означает, что наречия *раздежкой / раздѣжкой* ‘без верхней одежды, налегке’, *разушкой* ‘босиком’, *вырывочками* ‘украдкой; урывками’ [Иванова: 435, 436; Тимофеев: 97; СРНГ 6: 14], для которых не нашлось соответствий **раздежками*, **разушками*, **вырывочкой/-ом* не только в данном говоре, но и в других диалектах, а также структурно близкие, но в префиксном отношении различные «пары» типа *окорáкулей* ‘на карачках, на четвереньках’ (онеж. [СРНГ 23: 152]) – *раскарáкулями* ‘раскорякой, нелепо изогнувшись’ (Карелия [СРНГ 34: 109]) к рассмотрению не привлекаются. Мы, однако, не можем поручиться за сколько-нибудь полную отслеженность подобных случаев, как и вообще не ставили своей задачей сплошной просмотр всех русских региональных словарей, полагая, что и выборочный анализ – в силу непредсказуемости и «неангажированности» каждого отдельного факта – позволит сделать наблюдения достаточной достоверности⁴.

Все примеры в нашем обзоре соединены в две неравномошные по составу единиц группы ([а] и [б]). Относительно первой из них, включающей главным образом наречия образа действия, основное внимание будет сосредоточено на скоординированности / нескоординированности наречных форм, которым мы склонны приписать грамматическое значение единственного / множественного числа, с синтаксически связанными с ними формами других слов в ближайшем контексте, большей частью с глаголом-сказуемым и именем-подлежащим. Примеры, где соединение наречных форм, занимающих наше внимание, и числовых форм имен или глаголов, с которыми они синтаксически связаны, выглядит грамматически противоречивым, следуют после графически выделенной пометы «но:». Вторая группа наречий в таком пригляде не нуждается, поскольку их форма, хотя и может «резонировать» с числовой формой существительного-подлежащего и глагола-сказуемого, продиктована заведомо не ими, то есть не связана с множественностью отправителя действия; это обстоятельственные наречия времени, используемые в описаниях повторяющихся событий.

[а]

Верхáми ‘верхом’: «Подъехали к нему верхами и с ружьями два полесовника» (сказка) (новг. [СРНГ 29: 59]), «Верхами, с сашками [шашками] – только пули свистят» (орл. [СРНГ 36: 159]), «Бабы на лошадях ездили вярхами», «Казáки вярхами уехали» [Воронежский словарь 1: 206], «Только верхами ездили раньше, больше-то никак не прой-дешь» [Новосибирский словарь: 58], «Из Турана в Уюк верхами ездили. На лошадь, да и туда!» [Словарь Сибири I, 1: 130], «Однажды белых погна́ли. Мы только выехали туда,

⁴ На географию диалектного факта указания даются далее минимальные, поскольку здесь эта сторона дела специально не рассматривается.

за старое Томска [? – А. Ж.], как *догоняют* верхами. Давай стрелять по нам» (томск. [Там же]), «От Томского же города езды на лошадях верхами со вьюками две недели» (сиб. [Панин: 17]), «Вирх́ами *наехали*», «Конями вирх́ами *ехали*», «*Приедут* вирх́ами, лашадей сваих брасають, хороших вазьмутъ» [Словарь Одесщины I: 75], ср. также *верхами полететь* ‘помчаться верхом’ (брян. [СРНГ 29: 62]); фразеологизм *служить верх́ами* ‘служить в кавалерии’: «*Казак*и всегда на конях верхами служили» (р. Урал [СРНГ 37: 367–368]), **но**: «*Отец* служил в Катер́ино-Никольском верхами, вестовым был» [Словарь Приамурья: 277; СРНГ 38: 311]⁵. В СРНГ наречие *верхами* не включено (как, согласно дифференциальному принципу, и формально соотносительное *верхом*), несмотря на обычай этого словаря диалектные формы из Даля использовать; однако по причине широкой встречаемости *верхами* в литературных текстах XIX в. оно справедливо могло быть расценено как принадлежащее не только диалектному словарю. Прочие примеры на противопоставление *верхом* : *верхами* см. в упомянутой нашей статье.

Верхач́ами — — **верхач́ом**. В дополнение к прежним материалам: «*Едут* пад вутра вирхачом» ([Смоленский словарь 2: 31], пример из разряда «**но**:»).

Пешка́ми ‘пешком’: «Ну, *пошли* пешками, раз лошади нет!» (Урал [СРНГ 27: 14]; в картотеке СРНГ, если судить по географическим пометам в словарной статье, имеется не менее 15 регистраций этой формы, от Печоры до говоров на территории Армении и от Курской области до Амура, но словарь, к сожалению, дает только одну иллюстрацию), «*Семеро* пешками, а всё с бердышками» (песня) (твер., Киреевский [СРНГ 2: 244]), «*Шли* пешками» [Ярославский словарь 7: 105], «Щас у всех машины, все вот в туалет ездят на машинах. Это *мы* тогда пешка́ми, косили и на себе вязанки таскали» (рязан. [Русская деревня 2009: 400]), «Бывало, взадь-вперед пешками *ходили*», «Человек пять *идут* пешками, пришли...» (томск. [СРНГ 4: 234; 28: 318]), «С России-то пешками сюда *шли*», «Пешками *приходили* люди из России» [Словарь Сибири 3: 232], «Пишка́ми *ра́ньшэ хад́или* и в *Мухаршыб́ирь*, и ф Питро́фск» (забайк. [Словарь семейских: 343]), «Да Ельникъф пишками *бегъли* раньшъ» [Словарь говоров Мордовии], «*Пайд’ом* п’ишка́м’и дамóй» [Словарь рус. говора Азербайджана: 413]; **но**: «Пешками на суд *пошла*» [Словарь Сибири 3: 232]. — — Форма **пешком** в дифференциальных словарях как правило не отражается, о чем можно лишь досадовать: если в говоре наличествуют противопоставленные числовые формы, то грамматико-семантические делимитации между ними лишают диалектное наречие *пешком* функционального тождества с литературным словом, а это является важным дифференциальным моментом и требует включения *пешком* в диалектный словарь. Наш просмотр текстуальных иллюстраций к иным вокабулам отличий в употреблении наречия *пешком* от литературной картины не выявил.

Пешаќами: без иллюстрации (новосиб. [СРНГ 27: 12]), «С Кучугура пешаками на Зеленый Клин *бежали*», «Теперь доярок на машине возят, а мы пешаками *шпарили*» [Словарь Сибири 3: 232]. — — **Пешакóм, пешекóм** (в СРНГ отмечается 7 регистраций в южновеликорусских говорах, из которых иллюстрирована только одна): «Пешаком *идти*ть далеко» (брян. [СРНГ 27: 12]); «У нас есть еще такие места, как ты думаешь, пешаком-то» [Словарь Карелии 4: 503], «Хто потаковé жы́ли, позажы́точьне, а *наш брат* пешакóм [в армии]», «Откúда приéхал? – Да я пешакóм» [Словарь Низовой Печоры 2: 36]; **но**: «...а *мы хадили* нъ сабе пъ симина, пишаком...», «*Хадили* пишаком у Кияв», «Раньшъ-ть *мы* пешаком да Болхъвъ в цэркву *хадили*» [Орловский словарь 9: 94], «Когда в Славгород приезжали, *ходили* пешаком девять километров на озеро Яровое», «В больницу *ходили* пешаком» [Словарь Сибири 3: 232], «Подводы некакой не было, в школу всё пешаком *бегали*» (курган. [Лютикова: 116]).

Пéшами: «Пéшами редко *ходим* далёко» [Словарь Карелии 4: 503], «Рань пешаами *ходили*» [Словарь Сибири 3: 232]. — — **Пéшем**: без иллюстрации (рязан. [СРНГ 27: 12]),

⁵ У *верх́ами* отмечаются и иные значения, например ‘очень полно’ («...набрали грибов...» [Ярославский словарь 3: 5]; точнее было бы – ‘доверху, до краев (емкости), ‘горкой’», ср. принятое нормой с *верхом*).

«К нему надо пешем *идти*» [Ярославский словарь 7: 104], «Пёшем *ходила* раньше-то я в церковь», «Тут близко, пёшем можно *дойти*» [Словарь Карелии 4: 504]; «Вы-то опять пешем *пойдёте?*» (с неясной отнесенностью к множественному или единичному адресату: *вы* может быть «вежливым» местоимением, обращенным к одному лицу); **но:** «По ягоды *ходим* пешем четыре километра» (иркут. [СРНГ 27: 12; Словарь Сибири 3: 232]), «Мы из Поярковой пешем *ходили*» [Словарь Приамурья: 201]; **пёшом, пешом:** «Мати-то пешом *ушла*» (арханг. [СРНГ 27: 15]), «Не дашь коня, я пешом *пойду*» (олон. там же), «*Пойду* пешом» [Ярославский словарь 7: 104], «Я вчера пешом в Пинегу *ходила*» (арханг. [СРНГ 26: 6]), «Все пешом да на себе надо было», «Неужоли пешом *пойдешь*, ой, ой, ума-то нет», «Два раза *ходила* на аэродрон, все пешом, по тропинке, да под гору» [Словарь Карелии 4: 504–505], «Фсё пешом не *выходишь*» [Меркурьев: 112]; **но:** «А нынче вот на машынах *ездят* и пешом не *ходят*» [Там же], «В Тарту пашом *ходили*» (Эстония [Паликова, Ровнова: 113]), «Пешом *пойдем* на поле» [Словарь Сибири 3: 232]; **пешой / пешою:** «Ниужли пишой *идить*», «Если бы суха, я п пашой *ушла*», «Я нынчи десить километрв *прашла*, и усе пашою», «*Доцк* [= дочка], пашою з бьльшака, или падвес хто?» [Орловский словарь 9: 95]; **но:** «Да школы раньше семь километрв пешой *хадили*» [Там же], «Оттуй пешой *или*» [Словарь Карелии 4: 504], «Трясины были. Пешой, было, *проходили*, а верхом не *пройдешь*» [Словарь Сибири 3: 232]; **но:** «Тут недалече идить, мы все пешой *ходили*» (калуж. [СРНГ 27: 15]).

Пешеходами: «Они пешеходами *приходили*» (кемер. [Словарь Кузбасса: 151; Словарь Сибири 3: 232; СРНГ 27: 12]; остается неясным, имеется в виду ‘много раз’ или ‘множественным составом лиц’). — **Пешеходом:** «...И *пошел* доброй молодец пешеходом» (сказка) (новг. [СРНГ 38: 62]), «*Итти* пешэходъм – этъ пешком, значит, итить», «Фсяк рас за хлебъм пешэходъм *идёш*, за ягдьми», «...так и *идёт* пишыходъм, три дня дъ Масквы» (подмоск. [Иванова: 351]), «Дак вот куда я без сопровождения, с больной ногой-то, пешеходом я куда?», «...а там все пешеходом» [Словарь Карелии 4: 504, 583]; **но:** «...*ходили* пешеходом» (арханг. [СРНГ 28: 49]), «Да вон мы раньше до Квашонък пешэходъм *ходили*», «В Димитрьф пешэходъм *ходили*», «Бываль, в Маскву *хадили* пишыходъм» [Иванова: 351], «Раньшъ усе пишаходъм *хадили*» [Орловский словарь 9: 94], «А мы раньше всё пешеходом *бегали*, не было машин-то», «А раньше до городу все пешеходом *ходили*, машин не было» [Беляева: 253; Пермский словарь 2: 98]; «Мы на автобусе приехали, а они *решили* пешеходом *идти*», «От нас раньше пешеходом *ходили*» [Словарь Карелии 4: 504], «*Ходили* оне пешеходом ли как ли» [Словарь Кузбасса: 151], «*Ходили* обычно пешеходом», «Раньше поезда не было, пешеходом *или* в Сибирь», «Домой всё пешеходом, ни машин, ничё этого не было» [Словарь Сибири 3: 232], «Пешеходом *пошли*, машин не было», «*Ходили* все пешеходом» [Словарь Приамурья: 201], «Попервости-то худо жили, до Мостовки всё пешеходом *добиралися*» (курган. [Лютикова: 116]). Отражения ср. также в художественной литературе исторического и этнографического содержания: «На государеву расправу ты пешеходом *гонишься* в Москву со стражниками» (А. Платонов, «Епифанские шлюзы»), «Не пешеходом с котомкой за плечами он *домой воротился* — три подводы с добром в Сосновку привел» (П. Мельников-Печерский, «На горах»). Наречие *пешеходом* отмечается и в отличных значениях: *ехать пешеходом* 1) ‘медленно ехать (чтобы не отставал рядом идущий человек)’ — «Мы с дровами все время пешеходом *ехали*», 2) ‘ехать сушей’ (арханг. [СРНГ 27: 13]); тем самым его форма синтагматическими связями не определяется и может быть проигнорирована⁶.

⁶ Формы *пешехотом* (вятск. и др. [СРНГ 27: 13]) и *пешехоном* (каргоп. «Пешехоном *шел*, я говорю: “Ты, доброхот, откуда идешь?”» [Словарь Карелии 4: 504]) обязаны своим возникновением в первом случае фонематизации глухого аллофона фонемы *д* в слабой позиции, а во втором фонетическому преобразованию *д* → *н*, возможно, в результате ложноэтимологических сближений (с *пошехонский*, *пошехонец*, ср. печор. *пешехон*, *пешехонец* ‘пешеход’, донск. *пешехонец* ‘пехотинец’ [СРНГ 27: 13] (но если прямое знакомство носителей северновеликорусских говоров с отгидронимическим образованием *Пошехонье* и его производными выглядит более чем вероятным, то донской случай, может быть, нуждается несколько в ином объяснении).

Заслуживают пояснения истоки слов *пéшу* и *пéши*: *пéшу* (арханг. [СРНГ 27: 16], без иллюстрации), «А бабку не посадили на трактор, так и не села, пéшу пошла», «А раньше-то жили: сухарей-от насушишь, корзина рыбников, корзина пирогов, идешь, идешь, пéшу все это прешь», «На автобусе ездим, пéшу-то нонче не ходим» [Словарь Карелии 4: 505]; *пéши* (с широким территориальным распространением [СРНГ 27: 13], без иллюстраций), «Пеши идти», «А пеши-то далеко» [Словарь Сибири 3: 232], «Пеши пойти им нать» (мурман. [Меркурьев: 112]). Наречие *пéшу*, допустимо предполагать, является лексикализованной формой краткого прилагательного *пеш* / **пѣшь* в дательном падеже единственного числа (**пѣшоу*), ср. совр. *идти пешему*. Наречие же *пеш* – формой творительного множественного (**пѣши*)⁷, ср. творительный единственного в совр. *идти пешим*; кстати, последняя форма в диалектах также склонна к адвербиализации: нижегор. (1877), перм. *пéшим* ‘пешком’ [СРНГ 27: 13; Акчимский словарь IV: 43].

Босика́ми (/ **босяка́ми**) ‘босиком’: «И сейчас летѣм бѣсиками ходим, бѣсиками значит без обуви», «В лес бѣсиками ни ходите, там колкъ», «Бѣсиками – эть ничиво не нѣдывают на нѣги», «Малинькими были, фсе время бѣсиками бегѣли» (подмоск. [Иванова: 39; Войтенко: 51]), «Басиками бегали», «В лес басяками хадили», «Басиками хадили, абутца нечива была» [Воронежский словарь 1: 132], «Дети босиками бегают», «Холодно уж, а вы все босиками, мотрите, простынете» (Урал [Малеча I: 158]), «Выбежали босиками и танцуем...» (р. Урал [СРНГ 32: 52]), «Кругом меня Ванька стоит, а мы босиками» (казаки-некрасовцы; [СРНГ 15: 306]), «Раньшэ дайли-та каро́ф басика́ми. Но́ги ф све́жий назем заро́иш, типло́», «По́мню, ишо прата́линики, а мы уж басика́ми хаді́ли, и ничо́, но́ги ни мерзли» (забайк. [Словарь семейских: 48]); **босяка́ми**: «Ребятишки летом всегда босяками бегают», «Малы были – босяками бегали» [Новосибирский словарь: 38], «Босяками на работу ходили, [а] холодишша была», «Все ребятишки босяками бегают, а тут стекла» [Словарь Сибири I, 1: 85], «Босяками ходили по воде на пашню: ни машин, ни подвод не было» [Словарь Приамурья: 28]; **но**: «Вон ты бѣсиками ходиш, а я в ботинкѣх», «Ни твай ли, бидняк, дети просять пѣд акнами? Ни твая ли, бидняк, жана, ходишь бѣсиками?» [Войтенко: 51]⁸, «Босиками бегат (внучка)» [Малеча I: 158]. — — **Босиком**: в силу дифференциального подхода, принятого в большинстве региональных словарей, наречие, формально совпадающее с литературным словом, в словник не включается; возможное грамматико-семантическое отличие как правило составителями словаря не осознается, но даже если мысль о преимущественном отнесении формы к ситуации с единственным отправителем действия (ходьбы, бега) возникает, из-за малого количества свидетельств собиратель или лексикограф не рискует делать такие обобщения.

Бисика́ми: «Рѣбятѣшки летѣм бисиками бегайут» [Словарь говоров Башкирии I: 44], с оговоркой: «если речь не об одном человеке», «Дети все нагишами, все бисиками» (Урал [Малеча I: 158]), «Убратца было не ва што, бисиками на улицу хадили», «Раньше мы дятишками хадили бисиками» [Воронежский словарь 1: 132]; см. также воспроизведенный в нашей статье 1980 г. барнаульский пример, где в толкование включено пояснение «(если речь идет не об одном человеке)» [СРНГ 2: 296]. — — **Бисиком** (/ **бисяком**) ‘босиком (об одном человеке)’: «Бисиком-то не бегай, охал’ник» [Словарь говоров Башкирии I: 44], «Ни хади бисиком» [Воронежский словарь 1: 108]; **но**: «Паснигу бисиком бегали», «Тада и зимой бисяком на варок бегали» [Там же], «Бисиком

⁷ Однако отделить наречие *пеш*, возникшее путем лексикализации падежной формы прилагательного, от омофоничного ему во многих говорах наречия на -о (*пеше*, ср. *пéшо* в окающих говорах Беломорья [Меркурьев: 112; Мызников: 300, Словарь Карелии 4: 504]; в томском говоре [Словарь Сибири 3: 232]) не так легко, ср. вынужденное неразграничение *пеше* и *пеш* в словаре донских говоров [Кудряшова 5: 45–46]).

⁸ Ставшая народной песня, в основе которой лежат стихи И. Сурикова («Не твои ли, бедняк, дети / Просят под окном? / Не твоя ль жена в лохмотьях / Бродит босиком?»).

борновали», «Глину правой пяткой мнут бисиком», «Сидит Гитлер на заборе, плетёт лапти языком, чтобы вшивые фрицы не ходили бисиком» [Малеча I: 158].

Босы́нями: «Дётки у мяня басы́нями хódют, тóфель нéту, парвалíсья», «Босы́ними ня хадíти, пясóк тут крúпный: наκόлится» ([Псковский словарь 2: 132]: «в знач. нареч.»). — **Босы́ней:** «Не хадí басы́ней, мóкръ в ём [хлеву]», «Что ж ты босыней-то ныриш, аль лапти-то кот съел?» ([Там же]; в отличие от проигнорированного «плюратива», повторено, с сокращением иллюстраций, в [СРНГ 3: 127]).

Разу́тками ‘босиком’: без иллюстрации (воронеж. [СРНГ 34: 75]). — **Разу́ткой:** «Ходит разуткой, раздеткой», «А ты не ходи разуткой-то, ногу наколешь»; **но:** «Бывало, как чуть растает, все ребятишки разуткой бегут», «Разуткою стоят», «Разве лесом разуткой бегут? Об коренья все ноги побили» (средне- и южнорусск. [Там же]).

Раздéвками ‘без верхней одежды, раздевшись’: «Раздевками бегае́те, потом грохае́те» (р. Урал [СРНГ 33: 322]). — **Раздéвкой, раздевкой:** «Не выбегай раздевкой», «Нарядют невесту, везут на лошадях, совсем раздевкой», «Раздевкой никогда не бегаю», «Вышел раздевкой и опростыл – вот и кашель» (Урал, Поволжье [Там же]), «Не бегай раздевкой, заколябит вот тебя» (Урал [СРНГ 10: 146]), ср. еще **раздевичкой:** «Я раздевичкой так и бегала, румянец заигрался» (р. Урал [Там же]). Пример с *везут* и *невесту* (в объектной позиции) несколько двусмыслен в силу эллиптичности контекста: конкретная синтаксическая привязка наречия *раздевкой* может реконструироваться двояко: как связь наречно-именная *[невеста] раздевкой, и, видимо, более вероятно, как связь наречия с глаголом *везут раздевкой (ср. *гнали пешком, пускаешь ребят босиком*, уже с прилагательным в наречной функции – *голым в Африку пуцу*). Ср. ниже пример с наречием *стойками*, где также используется каузативный глагол.

Разв́язками ‘с непокрытыми головами, без платков (о женщинах)’: «Сидят развязками в ряды бабы молоды на свадьбе» (р. Урал [СРНГ 33: 298]). — **Разв́язкой** ‘с непокрытой головой, без платка (о женщине)’: «Это Акулина развязкой, волосы распущены...» (смол. [Русская деревня 2009: 154]), «На дворе ще мороз, а ты уж развязкой» (р. Урал [СРНГ 33: 339]), «Что ты все развязкой бегае́шь?», «Куды понеслась развязкой, надует в уши-то!» (средне-, южнорусск., р. Урал [Там же: 298]); в кемеровском примере фраза «Ветер такой холодный, а вы развязкой, раздеткой» [Там же], вероятно, обращена к одному, малознакомому лицу (предположительно диалектологу-собирателю), включает «вежливое» множественное число и потому «правильного» употребления числовой формы наречия не нарушает. Видимо, сюда же **разв́е́скою** ‘с непокрытой головой, без платка (о женщине)’ (с отражением фонемы *a* после мягкого согласного в подударном положении аллофоном [’э]) – без иллюстрации (воронеж. [СРНГ 33: 286]).

Космача́ми (1) ‘с непокрытой головой, без головного убора’, (2) ‘с растрепанными, непричесанными волосами’: «Кокетками прикрывались. Всяки носили. Космачами не ходили» (томск. [СРНГ 15: 56]), «Што късма́чами ходи́ти?» ([Словарь говоров Мордовии К–Л: 74]; в глаголе ударение, по всей видимости, на корне), «Космачами девки не ходили, без платка», «Теперь мода голоушей, космачами ходи́ть» [Словарь Приамурья: 128]⁹. — **Космачо́м** (1) ‘с непокрытой головой, без головного убора’: «Ходи́ть космачом» (из словаря Даля), «Надень платок, чо космачом ходи́шь» (единственная иллюстрация на не менее чем 13 регистраций в Поволжье, на Урале и за Уралом [СРНГ 15: 57]), «Космачом бежит девка, без платка, дак ругали иё пустоволоска...» (перм. [Беляева: 253]), «Хъладина такая, а паринь късма́чём валя́т» (в глаголе ударение, видимо, не накорневое – <валяет>), «Дунькь, што ты късма́чём паи́шла? Платок пъвя́жы», «Късма́цом-ть снима́ццъ вроди ни ладит» [Словарь говоров Мордовии К–Л: 74], «Ты чо это всё космачом на ули-

⁹ В нижегородском говоре наречие имеет и иную семантику – ‘не очистив от сучьев и листьев (о срубленном дереве)’: «Сушат лес для угля космачами» [СРНГ 15: 56].

цу-ту *ходишь*: холодно!» (курган. [Тимофеев: 58]), «*Девка ходит* космачом, простоволосая», «Что *ходишь* космачом? Прикройся» [Словарь северных красноярских говоров: 139], «*Танька* назавтра космачом *пошла*, а потом заболела», «*Идёт* космачом, а на улице холодно» [Словарь Приамурья: 128]; (2) 'с растрепанными, непричесанными волосами': «Как сидела в избе, так космачом и *побегла* на улку» (арханг. [СРНГ 15: 57]; в словаре не менее 11 регистраций, но примеров мало), «Да ты причеши волосы-те, не *ходи* космачом» [Тимофеев: 58], «*Идешь* на люди космачом, эх ты, урод» [Словарь северных красноярских говоров: 139], «Чё космачом *пошла*, причешись!» [Словарь Приамурья: 128]; **но**: «Девки косы себе пообрезали, космачом *ходят*» (Урал [СРНГ 15: 57]), «Ноне космачом *летают*, только голова веет» [Беляева: 253], «В праздник.. *девицы ходят* или космачом или же подвязываются полushалками» (тобол. [СРНГ 29: 171]), «Что *девки*, что *парни* – всё космачом *ходят*» (Ниж. Печора [Ставшина I: 358]), «Космачом *ходят*, красятся» [Словарь Приамурья: 128]. Ср. также в художественном тексте, отражающем диалектное словоупотребление: «...ожидал, как, держа пальцы в мелких карманах дра-ных джинсов, космачом, без шапки, *спустится* от избушки заросший человек, беспечно поздоровается» (В. Астафьев. «Царь-рыба»).

Раскосмáтками 'с растрепанными, непричесанными волосами': «Раскосматками *стали ходить*» (саратов. [СРНГ 34: 134]). — — **Раскосмáткой** (1) 'с непокрытой головой, без головного убора': «Вера, *ты* космаком *пойдешь*? (Это как?) Непокрыткой, раскосматкой» (рязан., саратов. [Там же]); (2) 'с растрепанными, непричесанными волосами' (без иллюстрации, саратов. [Там же]).

Нагишáми 'без одежды, нагишом': «Прежде нагишами *спали*», «Нъгишами *ребята* малый *ходят* на улицъ, да и то ретка», «Мълодѣи нъгишами *поехали*» [Словарь говоров Башкирии], «*Дети все* нагишами, *все* бисиками» (Урал [Малеча I: 158]). — — **Нагишóм** (1) 'без одежды, в голом виде': «Лéтом *купáлись* нагишóм»; (2) 'без запасов одежды, имущества': «Нёмцы избú разорíли, амбáры сожгли, как есть нагишóм остáвили» [Псковский словарь 19: 315] (оба контекста из разряда «**но**»; во втором примере множественный характер имеет не отправитель действия, а эллиптизированный одушевленный объект), многочисленные примеры в СРНГ в текстуальных иллюстрациях к иным статьям [СРНГ 5: 141; 9: 79; 22: 182; 24: 212; 26: 235; 30: 115; 36: 253; 37: 374].

Телешáми то же что *телешом* («о нескольких лицах»!): «Приехали *деўки* з гораду. На Патпольнай *купаюца* тилишами, адин страм» [Словарь донского казачества: 526], «Щас *спят* телешами, а тогда все в рубахах с подставками...», «...а щас *разберутся* телешами, всем жарко, всем тяжко» (рязан. [Русская деревня 2009: 402, 403]). — — **Телешóм** 'без одежды, ничем не прикрыв тело': «Телешом пока, пока батюшка перекстить, тогда рубашку наденет» (рязан. [СРНГ 26: 135]), «Скидаиш усё и *бигиш* у воду тилишом» [Словарь донского казачества: 526]; в орфографии Даля, хотя рифмовка в примере указывает на [ó] во флексии, — *тѣлешѣмъ* 'нагишем, голю, раздетым, непокрытым': «Хоть телешем, да в шапке, или: да молодцом» [Даль IV: 449]; **но**: «Жарища такая, *люди телешом ходят*...» (казаки-некрасовцы [СРНГ 29: 248]).

В обратный словарь к СРНГ [Инверсионный индекс: 168, 193, 302], кроме предыдущей пары наречий, помещены адвербиальные лексемы *телешíной* – *телешíнами* ['без одежды, голюшом'], возможно, также образующие пару, члены которой противопоставлены по числовой грамматической семантике. Однако 44-й выпуск СРНГ, в котором наречия с основой *телеш-* / (**теляш-*) должны найти отражение, еще лишь ожидает выхода в свет.

Стойкáми 'стоя, стоймя': «Нарубишь лесу, стойками поставишь и обкладешь дерном» (Южн. Урал [СРНГ 41: 187]). — — **Стойкóм (стоять)** (а) 'во весь рост, стоймя (о человеке)': (фолькл.) «...Да Егорей-от в котле-то он стойком *стоит*, Он стоит-то в котле-то да все стихи поет» (беломор.), (фолькл.) «Под конем-то Егорьюшко стойком

стоит», «Стойком-то стою на печи» (арханг.), (б) торчком, дыбом (о волосах, шерсти)»: «Шерсть стойком *стоять* будет» (арханг.); (в) 'колом (о несгибающихся, затверделых предметах)': «Платье грязное на ней, стойком стоит» (новосиб. [Там же: 187–188]); **но:** (а): «Едем на работу, а девки на машине стойком *стоят*» (прииртыш. [Там же: 187]), (б) «Раньше волосы сахаром примазывали, чтоб не разъезжались, стойком не *стояли*» (арханг. [Там же]); ср. также фразеологизм *зубы стойком стоят* – о чьей-либо готовности в любую минуту наброситься на кого-либо с бранью и оскорблениями [Ставшина I: 270]. Противопоставление, по малости имеющегося у нас материала, выглядит натянутым: в отличие от примеров с наречием на -ом, наречие-«плюратив» в первом примере стоит при каузативном глаголе и характеризует состояние не субъекта, а объекта действия.

[6]

Летáми (1) 'летом': «Робила страдами, робила летами» (перм. [СРНГ 35: 108]), «Свадьбы-то зимами, летами не делали» (томск. [СРНГ 17: 15]); (2) 'не каждое лето': «Она иное лето есть, иное – нет, летами бывает, не ежегодно» (перм. [Там же]); (3) 'каждое лето': «Езжу летами» (Бурятия [Там же]); (1) «Зимой-то не ходили на кладбище, а летáми ходят», «В следующу деревню праздник, в следующу пойдут. Вот так летáм-то всё ходили» [Словарь Карелии 3: 117], «Летами-то плохо, а зимами мяса вдоволь», «Ворота-то летами не поправлялися, а это зимой было, вот и сбежала» [Новосибирский словарь: 275]. — — **Летом:** в словарях, построенных на дифференциальном принципе, отсутствует; в полных региональных лексиконах, если судить по Псковскому [Псковский словарь 17: 38], и в текстуальных иллюстрациях в статьях с иными заголовками картина употребления, похоже, не отличается от той, что отражается словарями литературного языка.

Зимáми 'зимой': «А там еще зимóвочка сзади, только живут зимами...» [Словарь Карелии 2: 253], «Зимами ловили, распешают лед на Онеге-то и ловят рубу [рыбу; опечатка?]]» (Карелия [СРНГ 34: 164]), «Зимами выгубили рыбу-то» (перм. [СРНГ 5: 270]), «Зимами в холод идёшь, закуржавишь, белёхонькой будешь», «Зимами мяса вдоволь, зимами всё гнали на ярманки»; фразеологизм *зимáми стоять* 'жить, квартировать у кого-либо несколько зим подряд': «Я у одних зимами стоял, каждую зиму квартировал» [Новосибирский словарь: 193]; см. еще пример выше (*летами* (1)). — — **Зимой:** отличий от литературного употребления мы не нашли.

Осеня́ми, осеня́м 'осенью': «Туманы часто бывают осенями, веснами» (Карелия [СРНГ 23: 371]), «Осеня́ми, весна́ми вози́ли наво́с» [Архангельский словарь 3: 156], «Медведи осеням-то в дерюги ходят, ковды овес близко посеян» (волог. [СРНГ 8: 28]), «Осеням ездили на лошадях» [Камчатский словарь: 120]; **но:** «Осенями грузди пойдём ломать» [Новосибирский словарь: 358; СРНГ]; *осенья́м* [под знаком вопроса] «Осенья́м охотились, уезжали далеко, пять дён добирались» (Бурятия [СРНГ 23: 370]). — — **Осенью:** в дифференциальных словарях отсутствует; судя по встречам с этим словом в иллюстрациях к другим вокабулам, оно употребляется так же, как в литературном языке. Пример с пометой «но:» выделен потому, что распределительная «плюративная» форма наречия времени, которая ожидаемо связывается с представлением о повторении события, не слишком хорошо сочетается с группой «глагол будущего времени + при-мыкающий инфинитив» (*пойдём ломать*), указывающей на действие, которое должно совершиться в ближайший период и не обязательно будет повторяться далее. Однако осмысление формы *осенями* как полностью (то есть грамматически тоже) эквивалентной наречию *осенью*, все же вероятно: ср. *в осеня́, восеня́х* 'осенью [= в конкретную осень. – А. Ж.]': «В осенях я картошку копать не замогла» [Пермский словарь 2: 49], «Восенях сыграли свадьбу», «У нас восеня́х корова-то отелилась» (вятск., костром. [СРНГ 5: 132]).

Весна́ми, вёснами ‘весной [, по вёснам]; в теплое время года, в период между зимой и осенью’: «Фсе́ весна́ми-то здесь жы́ли», «Та́м холодне́йе вверху́, та́м весна́ми живу́т, а здесь зимо́й», «Вёснами опе́ть во дво́ри спа́ли» [Архангельский словарь 3: 156], «Он как-то болел веснами», «Вёснами обласки [‘лодки-долблёнки’] делали», «Угоняют скота на плесы веснами» [Словарь Сибири I, 1: 135], см. также примеры выше (*осенями*). — — **Весной**: повсюду, по-видимому, как в литературном языке¹⁰.

В диалектах обнаруживается еще несколько пар тождественноосновных обстоятельственных наречий сходного устройства (*гуло́м* : *гула́ми* ‘кучей, скопом, все сразу; огулом, оптом, все вместе’¹¹, *обыде́нкой* / *обыде́нком* : *обыде́нками* ‘в один день, за один день’, *поде́нком* : *поде́нками* ‘подённо; в отдельные дни’, *оба́полом* : *оба́полами* ‘задами селения, задворками; не напрямик’ и др.), однако из экономии места приводить контексты с ними мы не станем, потому что выявить какие-либо существенные различия в семантике и синтаксической обусловленности употребления членов этих пар не представилось возможным (но исключать, однако, что числовые семантические различия в подобных парах наречий могут отыскаться в непривлеченных лексикографических источниках, нельзя).

Взглянем на то, как обстоят дела в литературном языке.

В Обратный словарь русского языка (1974) с пометой «и» (наречие) помещено десять единиц, оканчивающихся на *-ами*: *годами*, *урывками*, *наскоками*, *пачками*, *урывочками*, *временами*, *часами*, *местами*, *верхами* и *месяцами* [ОбрСл: 207]. В Грамматическом словаре А.А. Зализняка (кстати, консультировавшего [ОбрСл]) из этого перечня слова *наскоками* и *пачками* исключены [Зализняк: 284]. Не думается, что состав подобных единиц этими куцыми списками исчерпывается.

Уклонимся от обсуждения классической темы – вопроса о частеречной принадлежности членов пар *вечером* : *вечерами*, *ночью* : *ночами* (диал. также *ноч(ь)ми*), *низом* : *низами*, *кру́гом* : *кругами*, *наездом* : *наездами*, *ползком* : *ползками* и т. п. Аргументов, как формальных, так и семантических, за или против признания и левых и правых коррелятов наречиями может быть предложено и (по крайней мере относительно некоторых из помянутых слов) предлагалось немало; самым наглядным диагностическим эффектом, отрицающим адвербиальный статус формы, как известно, считается возможность подстановки адъектива: *долгими зимними вечерами* и т. п. Сами мы, однако, вынуждены признать в неумении обосновать назначаемую многими словарями принадлежность, например, слова *низом* («Тем временем почти рассвело, *низом* от болота плыл холодный туман...» – В. Быков. «На болотной стежке») к «настоящим» наречиям, а *низами* (ср.: «И с полей *низами* ползли к усадьбе вздохи, и первые звезды начинали, неуверенно дрожа, прокалывать кое-где небо» – С. Сергеев-Ценский. «Печаль полей») – к существительным в наречном употреблении. Несмотря на долгую, начиная с Потебни, и богатую соображениями историю разработки, вопрос, как нам кажется, остается скользким¹².

¹⁰ Если не считать, что в рязанской деревне Деулине, кроме значения ‘весной’ регистрируется значение ‘в период времени между зимой и осенью’, т. е. ‘весной и летом’; см. [Деулинский словарь: 79].

¹¹ В «сингулятиве» отмечается и в литературном тексте: «...Слепушкин предлагал взять все *гулом*: и яйцы, и поросят, и масло, и рожь...» (А. Герцен. «Былое и думы»).

¹² Отметим лишь важное в контексте наших рассуждений семантическое неравновесие внутри пар *ночью* : *ночами* и *вечером* : *вечерами*. Левые члены пар употребляются как в «точечном», так и в «длительном» значениях, правые же тяготеют к закреплению семантики ‘в продолжение всей поры суток или существенно длительной ее части’; для обозначения повторяющихся точечных событий вместо правых членов наречного облика предпочтительнее предложно-падежные формы: нельзя сказать *Поезд из Нарьян-Мара прибывает в Ялту только ночами*, но можно *Поезд из Нарьян-Мара прибывает в Ялту только по ночам* (тоже, конечно, нельзя, но по другим, экстралингвистическим причинам). Следовательно, наречия (падежные формы) *ночью* и *ночами* в грамматико-семантическом плане не эквивалентны.

Из нетемпоральных наречий с формантом *-ами*, перечисленных в обзоре диалектных фактов, в Национальном корпусе русского языка (основной корпус) встретилось четыре:

босиками – только один раз, в «Отрывке путешествия в *** И*** Т***» А. Радищева, 1772 («Они все были *босиками*...»). Словоупотребление принадлежит авторской речи и, по-видимому, не воспринималось болезненным отклонением от литературной нормы. Для современной речи словоупотребление ненормативно;

телешами – также единичная регистрация, у М. Шолохова, в «Тихом Доне» («– Чего застыдилась, аль мы *телешами* едем? – крикнул Митька и подмигнул: – Калинушка моя, эх, горьковатенькая!»); наряду с цитатой к «сингулятиву», приведено и в [Словарь донского казачества: 526]). Присутствует в речи персонажа, отражающей диалектную стихию. Использование Шолоховым диалектной лексики высококомпетентно и по большей части весьма органично. Форма *телешом* в НКРЯ отражена десятью вхождениями (девять документов): у Н. Лескова («Заячий ремиз»), Ф. Крюкова, Шолохова, В. Липатова, Б. Васильева и др. (шесть примеров – в речи персонажей). Три из десяти употреблений наречия *телешом* приходится на контексты, где удобоприменима была бы коррелирующая форма с финалью *-ами*. В диалектном подкорпусе НКРЯ этих слов не обнаружено (последнее не показательно по причине малого объема подкорпуса: в нем не встречается даже самое употребительное из рассмотренных наречий – *верхами*);

нешками – встретилось дважды, в памфлете М. Щербатова «О повреждении нравов в России», 1786 или 1787 («Но в мирное время за честь себе бояре считали, когда едит по городу, чтобы ему предшествовали человек пятьдесят слуг *нешками*; слышал я, что и самые боярени не токмо куда в знатное посещение, но ниже к обедни к своему приходу стыдились без предшествования дватцети или тритцети слуг ехать») и в романе Н. Гейнце «Дочь Великого Петра» (1913), а точнее, в цитируемом там документе 1732 г., касающемся бракосочетания Бирона с дочерью Меншикова: «По распоряжению Левенвольда, в дом новобрачного были приглашены только те измайловские офицеры, у которых имелись карета или коляска с лошадьми, а провожать Бирона из дома во дворец, в два часа дня, дозволялось без исключения, “хотя бы *нешками* и *верхами*”». Регистрируется только с XVIII в. (в [СлРЯ XI–XVII вв.] слово отсутствует);

верхами – в письменности встречается с середины XVII в. [СлРЯ XI–XVII вв. 2: 102]. В расписанных Б.К. Минихом «Диспозиции и церемониале торжественного въезда императрицы Анны Ивановны в С.-Петербург 16 генваря 1732 года» (публикация М.Д. Хмырова. «Русский архив». 1867. Вып. 2) форма *верхами* встречается с двоякой синтаксической зависимостью – от глагола и собирательного существительного в единственном числе: «Церемония ж имеет быть следующим порядком: 1. Почт-директор с почтмейстерами и почтальонами *поедут верхами*, которым на почтовых рогах трубить. 2. За ними *капральство* драгунское *верхами*» (стб. 339). Словарь XVIII в. на наречия *верхом* и *верхами* примеров дает мало, заведомо меньше, чем могло быть, и четкой контекстной обусловленности выбора той и другой формы они не рисуют (см. [СлРЯ XVIII в. 3: 59]); впрочем, об одном приведенном там употреблении *верхами* будет сказано далее. В НКРЯ с этим наречием, в отличие от перечисленных выше, приведено (в значении 'equis', но также 'equo') 256 цитат, от середины XVIII в. до нынешнего времени, с постепенным, однако, убыванием встречаемости. Динамика встречаемости наречия *верхами* 'equis' в НКРЯ по полувековым периодам такова: 1800–1850 – 20 % вхождений, 1851–1900 – 35 %, 1901–1950 – 28 %, 1951–2000 – 14 %¹³. Вот только некоторые примеры: «...ехали в церемонии в каретах со всею свитою, которая ехала *верхами* в провождении двух полков драгунских, а турецкой посол, Измаил паша, бендерский

¹³ Заметим, что большую часть Корпуса составляют тексты последних десятилетий, по суммарному текстуальному объему русская литература (беллетристика, историко-документальные жанры) начала позапрошлого века неизмеримо мала в сравнении с сегодняшней, чем и объясняется в выкладке сравнительно невысокая доля периода до 1850 г.

сераскир, и Капичи баши... с великою свитою ехали *верхами*, и норовили, чтоб вдруг приехать к палаткам, всякой к своим, что и учинили» («Журнал жизни и службы князя Михаила Никитича Волконского», 1752), «Древняя пословица: где мечи заржавели, а плуги светлы, тюрьмы пусты, а житницы полны, ступени церковные в грязи, а дворы судилищ поросли травой, врачи *нешком*, а мясники *верхами*, — тамо стариков и младенцев много и государство благоуправляется» (Д. Фонвизин. «Примечания на “Та-Гио”», 1779), «Мы условились, чтобы после завтрака ехать *верхами* подальше за хутор, почему я опять намекнул Пармену о деревенской кляче» (В. Нарезный. «Бурсак», 1822), «Казак проскакали по дороге, офицеры *верхами*, главнокомандующий в коляске и со свитой проехал мимо» (Л. Толстой. «Севастополь в августе 1855 года», 1855), «Мы только что сделали большое путешествие по Днепру, по керченским солончакам; были в Одессе, Севастополе, Бахчисарае, где также ездили *верхами* в Чуфут-Кале» (И. Репин. «Далекое близкое», 1912–1917), «Он и Лазаренко — связной штаба, оба *верхами*, вырастают перед нами точно из-под земли» (В. Некрасов. «В окопах Сталинграда», 1946). Несмотря на прозрачное устройство «плюратива» *верхами*, авторы нашего времени показывают странное отсутствие лингвистического чутья и применяют его в нелепом «сингулятивном» смысле: «Еще ничего не сделав, да, по сути, ничего и не умея, только вырубивая на первый боевой вылет, он попал под штурмовку мятежников, был смят, раздавлен, унижен... как будто кто уселся на нем, брошенном на землю, *верхами*, прижал, не даваядохнуть, повернуться, пикнуть, и потчевал, потчевал каменистой землицей...» (А. Анфиногенов. «А внизу была земля», 1982), «— Хочешь прокатиться? — спросил он. / Машке [кобыле] и так тяжело, и я отказываюсь, трясую головой. / — Да не на телеге, — говорит он. — *Верхами!* / Не верхом, а *верхами* — ишь как выразился! / — Прокатись, прокатись! — кричит с крыльца Поля» (А. Лиханов. «Кикимора», 1983; разрядка наша. — А. Ж.; столкновение городского и деревенского языкового узуса, смоделированное Лихановым, выглядит придуманным). Что же до коррелирующего наречия *верхом*, то оно в письменной речи, по данным НКРЯ, употребляется в контекстах с множественным субъектом уже с М. Ломоносова (не позже 1758 года, в «Древней российской истории»: «...*пленники, которых садили верхом на лошадях...*») и Д. Фонвизина (не позже 1774 года, «К родным»: «...*ездыт верхом прекрасные амазонки*»).

* * *

Оговорив заведомую неполноту приведенного материала, его тем не менее можно оценить достаточно представительным. Обзор дает возможность предложить соображения следующего характера.

1. В русских диалектах имеются наречия, суффиксальные элементы которых совпадают с флексиями творительного падежа имен существительных. Среди них выделяются соотносительные наречия, образующие пары, внешнее различие между членами которых состоит в снабженности показателями, в первичном качестве являющимися именными флексиями разных форм числа — единственного и множественного.

2. Суждения о прямой — завершенной или застрявшей на полпути — адвербиализации падежных форм существительных затрудняются тем, что не всегда этим наречиям можно предъявить в соответствие реальное существительное (ср.: *нешаком* / *нешаками* : **нешак* / **нешаки*; *гулом* / *гулами* : **гул* / **гулы*, ср., однако, *огул* ‘опт, гуртовой счет’¹⁴), что, однако, не означает отсутствие таких существительных вообще: наши сведения о лексическом составе говоров, особенно в их прошлом состоянии, всегда ущербны (однако вероятность их отсутствия все же высока). Если же формально такие слова словарями регистрируются, то семантические расхождения между ними и наречиями часто не позволяют выводить данное наречие непосредственно из данного тож-

¹⁴ Трудно удержаться от попутной критики в адрес СРНГ: объяснение Даля («обт, опт, тулай, чох, обтовой или гуртовой счет» — антоним: *розница!*) заменено, в порядке непримиримой борьбы с почти безупречным далевским языковым вкусом и чутьем, на семантически некорректное ‘оптовый товар, оптовая торговля’ [СРНГ 22: 361].

дественного по основе имени: *босиками* 'без обуви' очевидно не является производным от получившего словарную прописку *босикѣ* вятск. 'берестяные лапти для дома...' и др., новг. 'женские остроносые башмаки с высокими передами на каблуках...', тульск. 'летние башмаки' [СРНГ 3: 123], *раздевкой / раздѣвкой* 'без верхней одежды', конечно, не выводится из *раздѣвка* урал. 'снятие со стволов плодовых деревьев защитных зимних обмоток (от грызунов)' ([СРНГ 33: 322], единственная известная нам регистрация существительного; однако нужно заметить, что это слово принадлежит к производным ультрарегулярного характера, которые в живой речи могут *ad hoc* плодиться во множестве для реализации номинативных потребностей в довольно широком семантическом диапазоне) и т. п. В исчисленном списке оправданной выглядит, например, связь наречий *босыней / босынями* с существительным *босыня* 'человек, который ходит босиком' ([СРНГ 2: 127]: «Ты куда, босыня, пошел?», волог.), *космачом / космачами* с существительным *космач* 'человек с непокрытой головой, без головного убора' (яросл. [Мельниченко: 94; Ярославский словарь 5: 75; СРНГ 15: 56]), также «о женщине с непокрытой головой и растрепанными волосами» («Че ты тут ходишь?! Хуже парня. Космач! Космачая»), «о непокрытой голове с растрепанными волосами» («...Обрезали! Тресут космачами») (перм. [Акчимский словарь II: 68–69]), – подобно паре *голышом / голышами* в литературном употреблении (ср.: «И мы поплелись к своим родителям голышами» – А. Яковлев. «Омут памяти»; «Ходим голышами» – Н. Крышук. «Отступление»). Но и в таких случаях отношения наречий с тождественноосновными существительными не выглядят вполне безоблачными. Во-первых, граница между наречием и адвербиальным употреблением падежной формы имени существительного теоретически остается зыблущейся; во-вторых, в акчимском примере ощутима окказиональность имени *космач*, примененного к женщине, что вызывает подозрение, не является ли тут производность как раз обратной: из наречия *космачом*, внутреннее грамматическое устройство которого говорящему понятно, в речи на ходу с помощью обратной деривации возникло существительное *космач*, тут же потребовавшее грамматически приспособительного объяснения («Космачая!»). Несмотря на неоднократно формулируемое значение *верх* 'спина лошади' ([СРНГ 4: 158; Архангельский словарь 3: 128]: *верх* 4. – с отсылкой к *верхѡвна* 1. 'спина, круп лошади'), наречия *верхом / верхами* все же не вызывают прямо к анатомической терминологии, чему свидетельство – легкость метафор вроде *верхом на хвостинке, сесть на стул верхом* ('грудью к спинке') и т. п.; ср. (полутавтологическое) растолкование 'верховая езда' слову *верх* у Даля, далее *скакать конем* 'верхом', *конем не объедешь*.

3. Между наречиями на *-ом (-ем)/-ой (-ей)*, с одной стороны, и *-ами*, с другой, в «чистых» случаях можно усмотреть те же грамматико-семантические различия, что и между формами единственного и множественного числа имен существительных: первые (на *-ом...*) связываются с представлением о единственности (субъекта и др.), вторые (на *-ами*) – множественности.

4. Однако общая картина соотношения между формой наречия и его грамматическим значением строго не выдержана: в отличие от именных словоизменительных парадигм, где «мена» граммемами числа, по-видимому, исключена, в рассматриваемой группе наречий как «плюративы», так и «сингулятивы» могут нести грамматическое значение, присущее коррелятивным членам пар.

5. Подобные несоответствия (в этом пункте наши замечания касаются только наречий образа действия – группы [а] – и не затрагивают адвербиальных единиц с темпоральной семантикой) весьма обычны у наречий на *-ом/-ой* (*едутъ вирхачом, разуткой бегут*), но у форм на *-ами* они буквально единичны. В настоящей работе и в нашей статье 1980 года суммарно приведено 94 текстуальные диалектные иллюстрации, включающие наречия на *-ами* (если примеры из Шолохова, цитированные в Словаре донского казачества, вслед за его составителями найти точно отвечающими документальным свидетельствам о говоре, то 95). Из них только пять фраз, то есть немногим более 5%, построено с использованием глагола-подлежащего в единственном числе, но прямолинейная трактовка этих случаев в пользу числовой десемантизованности наречной

формы сомнительна. Дело в том, что числовая семантика наречия определяется не только глаголом-подлежащим, в свою очередь грамматически координируемым с именем или местоимением; число у наречия выступает не только как синтаксическая (согласовательная) категория, но во многих контекстах ведет себя как категория собственно семантическая, свободная от поверхностно-синтаксических условий. Граммема множественности у наречной формы может обнаруживать связь как с неединственностью субъекта действия (*казаки вярхами уехали; раздевками бегают*) или его собирательностью (*свита / канцелярия вярхами*, ср. ниже), так и с неоднократностью, повторяемостью действия (ср. ...*ты бьсыками ходиш...*). Поэтому о числовой десемантизованности наречия в песенной фразе *Ни твая ли, бидняк, жана, ходить бьсыками?* судить несколько рискованно (правда, в пользу утраты граммемы множественности может свидетельствовать выравнивающая рифмующая позиция наречия: фраза следует за стихом *Ни тваи ли, бидняк, дети просят пьд акна́ми?*). То же следует сказать и о примере из «Юрналив и камерфурьерских журналов 1695–1774», приведенном в словаре XVIII в.: «*Капитан ъздил вярхами на мост*» [СлРЯ XVIII в. 3: 59]. В этом отношении гораздо менее сомнителен пример *Отец служил в Катерино-Никольском вярхами, вестовым был*. Глагольное словосочетание, едва ли не фразеологизм, *служить вярхами* характеризует длительное пребывание в статусе конного вестового, и использование наречия-«плюратива» *вярхами*, скорее всего, связано с многократностью обязательного по должности применения лошади; замена его на «сингулятив» (**служил верхом в Катерино-Никольском*) нами воспринимается как чувствительная смысловая неловкость. Из несомненно «неправильных» примеров употребления наречий-«плюративов» в сущности остается только одна фраза: *Пешками на суд пошла*.

Симметричным образом довольно большое количество несогласованных употреблений наречий-«сингулятивов» в диалектных контекстах с глаголом во множественном числе не требует объяснения только отсутствием оппозиции граммемам множественности и единичности у наречия (как это легко было бы сделать применительно к картине в литературном языке). Случаи «несогласования» стандартны и для тех говоров, где указанная оппозиция отмечается (*В больницу ходили пешаком; Пешой, было, проходили, а верхом не пройдешь; ходили обычно пешеходом; Космачом ходят...*). Подобные «несоответствия» нетрудно отклонить параллелями с синтаксисом литературных высказываний, где форма единственного числа (изменяемого по числу) существительного, употребленного в творительном падеже с наречной функцией, связана с категорией определенности / неопределенности: «В Крым мы *самолетом* не летаем, а *ездим поездом*» (нет причин думать, что «от нас» в Крым летает только один воздухоплавательный аппарат и ходит только один, физически из тех же вагонов, пассажирский железнодорожный состав). Заметим, что в параллельных диалектных текстах рисуется не актуальная, а повторяющаяся привычная ситуация, для описания которой установка на неопределенность нормальна, что и обнаруживается в использовании наречия-«сингулятива». В ряде диалектных высказываний другого сорта, с обрисовкой актуальной ситуации, употребление «сингулятивных» наречий вполне может быть уподоблено случаям дистрибутивного употребления форм единственного числа существительных [Русская грамматика 1980 I: 472] в примерах типа *Собаки бежали задрав хвост* (что в работе А.Д. Дуличенко моделируется с помощью понятия «слабой позиции множественного числа» и представления об эллиптизации распределительных составляющих: *Собаки бежали задрав* [каждая свой] *хвост*; см. [Дуличенко 1998: 59 и сл.]).

Но и эти соображения могут оказаться вполне излишними, если принять во внимание абсолютную допустимость фраз *Народ повалил толпой* и *Народ валил толпами*. В словаре под ред. Д.Н. Ушакова [Ушаков IV: стб. 730] слово *толпой* выделено в особую статью и снабжено пометой «нареч.» (что повторено в [ОбрСл: 266], но не поддержано в [Зализняк: 337]). Пример показывает, что далеко не всякий раз форма наречия или существительного (какую бы частеречную квалификацию ни предпочесть) определяется числовой граммемой, представленной глаголом, хотя в данных случаях синтаксическая зависимость наречия и (или) существительного от глагола труднооспорима.

Наконец (о чем мы до сих пор не говорили, но что, разумеется, не могло ускользнуть от читательского внимания), неопределяемость формы наречия формой глагола нагляднейшим образом сказывается в свободном присоединении наречия к инфинитиву (множество примеров выше) или к деепричастию («...мужики, *едучи верхами*, разговаривают...» – Н. Лесков. «Житие одной бабы»).

Таким образом, в предпринятом выше обзоре диалектных фактов видимые случаи несогласования между наречием и управляющим членом предложения могут получать объяснения, не опирающиеся на традиционную концепцию непереносимости у наречия грамматической категории числа.

6. Избегая выше выражений типа «наречие во множественном числе» и пользуясь околичными именованиями, здесь мы решаемся сменить терминологию и, предполагая наши аргументы весомыми, прямо говорить о том, что в русских диалектах некоторая – весьма небольшая и нечетко очерчиваемая – совокупность единиц, в частеречном отношении являющихся наречиями, обладает категорией числа. Жесткость суждения о непроницаемости русского наречия грамматическими категориями, свойственными другим частям речи, и, соответственно, принципиальной его неизменяемости тем самым ослабляется.

7. Сказанное выше, в пункте 2, позволяет судить, что по крайней мере у некоторых рассмотренных пар числовые формы и противопоставления сложились в рамках наречия (как самостоятельной части речи) и наречной категориальной семантики.

8. Категория числа у наречия выступает не как синтаксическая (согласовательная), а как семантическая, независимая, реализация граммы которой определяется не грамматической связью с глаголом (допустима зависимость от существительного: *скачка верхами*, *Показались двое казаков верхами*), а внутренним содержанием наречия или особенностями ситуации, описываемой в предложении.

9. Выбор граммы множественного числа наречия, окажется категория развитой или хотя бы жизнеспособной, принципиально может быть связан по меньшей мере

(а) с множественностью субъектов действия (или состояния) (большинство рассмотренных примеров),

(б) с множественностью объектов действия (*поставить стойком* : *поставить стойками*, *посадить мальчика верхом* : *посадить мальчиков верхами*),

(в) с множественностью однородных пространственных «обстоятельств» (*стороной* : *сторонами*; или как у существительных в наречной функции *двором* : *дворами*, *окраиной* : *окраинами*),

(г) с многократностью (повторяемостью) действия или ситуации, независимо от того, совершается ли действие тем же субъектом или разными; в наших данных этот тип представлен обстоятельственными наречиями времени (*весною* : *вёснами*, ср. *вечером* : *вечерами*).

10. Мы сделали оговорку «окажись она развитой или жизнеспособной». Однако диалектная лексикография, как, впрочем, и историческая, застаёт категорию числа у наречия в состоянии очевидной рецессии. По данным, которыми мы располагаем, присутствие этой категории в письменных текстах прослеживается, как было уже сказано, с XVII в. (что никак, однако, не указывает на ее возраст), она характеризует небольшой круг лексических единиц, при этом чрезвычайно неровно. Из наречных форм множественного числа обильными записями представлено лишь наречие *верхами*, существенно реже регистрируются *пешками*, *босиками*, а прочие «плюративы» отмечены единичными или почти единичными диалектными фиксациями (их малость, помимо невысокой употребительности в говорах, объясняется и несфокусированностью собирательского взгляда: целенаправленный поиск, с применением наводящих приемов в беседах с информантами, мог бы, думается, количество образцов существенно увеличить). В литературном языке держится только адвербиальная пара *верхом* : *верхами*, да и то встречаемость множественной формы, как мы видели, неуклонно идет на убыль. У единиц *ночами*, *вечерами*, *низами*, с нашей точки зрения, достаточно причин считаться наречиями, и они могли бы в оппозитивном сближении с общепризнанными наречиями

ночью, вечером, низом рассматриваться как аналоги паре *верхом* : *верхами*, тем самым несколько укрепляя незавидное положение категории. Но большинство лингвистов расценивает их не как наречия, а как падежные формы существительных¹⁵. Если, далее, рассмотренные здесь наречия с финалью *-ами*, за незначимыми исключениями, монотонно характеризуются одной числовой граммемой и могут считаться маркированными членами оппозиций, то тождественноосновные наречия на *-ом* и др. издавна показывают склонность к размыву грамматической моносемичности, оказываясь членами немаркированными.

Все сказанное подвигает к мысли, что категория числа у русского наречия, не найдя сил системно оформиться, обречена на постепенное, но окончательное угасание.

Об этом можно только сожалеть: процесс связан с тенденциями энтропийной утраты многообразия.

Работу над корректурой этой статьи омрачило известие о кончине Софьи Владимировны Бромлей. В свое время она заинтересовалась первой моей статьей о категории числа у наречия и способствовала ее опубликованию. Памяти С.В. Бромлей, благодарного человека и замечательного диалектолога, мне хотелось бы посвятить настоящую публикацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акчимский словарь – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Вып. I–. Пермь, 1984–.
- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. Русская длительная конструкция: пределы ее формального описания // Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Архангельский словарь – Архангельский областной словарь. Вып. I–. М., 1980–.
- Беляева – Словарь говоров Соликамского района Пермской области / Сост. О.П. Беляева. Пермь, 1973.
- Войтенко – А.Ф. *Войтенко*. Словарь говоров Подмосковья. Вып. I–. М., 1995 [2-е изд., испр. и доп., см. [Иванова]; продолжения не было].
- Воронежский словарь – Словарь воронежских говоров. Вып. I–. Воронеж, 2004–.
- Гринченко – Б.Д. *Гринченко*. Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская Старина». Т. I–IV. Киев, 1907–1909.
- ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. I–. Мінск, 1982–.
- Даль – В.И. *Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955 [перепечатка 2-го изд. СПб.; М., 1880–1882].
- Деулинский словарь – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1969.
- Дуличенко 1998 – А.Д. *Дуличенко*. Размышления о числовой координации в русском языке I. *Собаки бежали задрав [каждая свой] хвост...* // Число – язык – текст: Сб. статей к 70-летию Адама Евгеньевича Супруна. Минск, 1998.
- Желехівський, Недільський – Є. *Желехівський*, С. *Недільський*. Малоруско-німецький словар. Т. I–II. Львів, 1886.

¹⁵ Ср., например [Апресян 1995: 593 и сл.] (*ночами*); грамматические пометы или, скорее, отсутствие таковых в словарях и т. п. Кстати, диалектологи-словарники к частеречной аттестации слов, рассмотренных в настоящей статье и множеству подобных, относятся с меньшей, чем лексикографы-«нормативисты», пристрастностью, проставляя призаголовочную помету «*нар(еч.)*» без какой-либо специальной аргументации. В сильно припозднившейся инструкции для составления СРНГ, которая появилась только в 28-м выпуске словаря, теоретические основания для частеречного разбиения «*нареч.*» – «[существительное] в знач. *нареч.*» оставлены в стороне (см. [Кузнецова, Сорокалетов 1994: xiii–xiv]). В большинстве областных лексиконов, где частеречная квалификация вокабул принята как обязательная, пометы ставятся скорее интуитивно (но, на наш взгляд, достаточно оправданно). Сличение таких помет в региональной лексикографии с практикой словарей академического толка, имеющих дело с литературной лексикой, вероятно, могло бы дать повод для небезынтересных наблюдений.

- Журавлев 1980 – *А.Ф. Журавлев*. Об одном периферийном явлении в русской морфологии: категория числа у наречия // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования*. 1978. М., 1980.
- Зализняк – *А.А. Зализняк*. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Около 100 000 слов. М., 1977.
- Иванова – *А.Ф. Иванова*. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.
- Инверсионный индекс – Инверсионный индекс к Словарю русских народных говоров. СПб., 2000.
- ІСУЯ – Історичний словник українського языка / Уложили проф. Е. Тимченко, Е. Волошин, К. Лазаревська, Г. Петренко. Т. І. Харків; Київ, 1930.
- Камчатский словарь – Словарь русского камчатского наречия. Хабаровск, 1977.
- Карпов 1998 – *В.А. Карпов*. Этюды о числе // *Число – язык – текст: Сб. статей к 70-летию Адама Евгеньевича Супруна*. Минск, 1998.
- Кудряшова – Словарь донских говоров Волгоградской области / Под ред. Р.И. Кудряшовой. Вып. 1–. Волгоград, 2006–.
- Кузнецова, Сорокалетов 1994 – *О.Д. Кузнецова, Ф.П. Сорокалетов*. Инструкция для составления Словаря русских народных говоров // *Словарь русских народных говоров*. Вып. 28. СПб., 1994.
- Лютикова – *В.Д. Лютикова*. Словарь диалектной личности. Тюмень, 2000.
- Малеча – *Н.М. Малеча*. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. I–. Оренбург, 2002–.
- Мельниченко – *Г.Г. Мельниченко*. Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820–1956 гг.). Т. I. Введение и словарь. Ярославль, 1961.
- Меркурьев – *И.С. Меркурьев*. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.
- Мызников – *С.А. Мызников*. Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. СПб., 2010.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>.
- Новосибирский словарь – Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.
- ОбрСл – Обратный словарь русского языка. Около 125 000 слов. М., 1974.
- Орловский словарь – Словарь орловских говоров. [Вып. 1–] Ярославль [; Орел], 1989–.
- Паликова, Ровнова – *О.Н. Паликова, О.Г. Ровнова*. Словарь говора староверов Эстонии. Книга для учащихся. Тарту, 2008.
- Панин – Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / Сост. ... Л.Г. Панин. Новосибирск, 1991.
- Панов 1966 – *М.В. Панов*. Русский язык // *Языки народов СССР*. Т. 1. Индоевропейские языки. М., 1966.
- Пермский словарь – Словарь пермских говоров. Вып. 1–2. Пермь, 2000–2002.
- Пешковский 1956 – *А.М. Пешковский*. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Попов 1972 – *И.А. Попов*. Наречия с корнями *пеш-*, *бос-* // *Совещание по Общеславянскому лингвистическому атласу (Ленинград, 26–30 сентября 1972)*. Тезисы докл. М., 1972.
- Псковский словарь – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–. Л./СПб., 1967–.
- Русская грамматика 1980 – *Русская грамматика*. Т. I–II. М., 1980.
- Русская деревня 2009 – *Русская деревня в рассказах ее жителей*. М., 2009.
- Словарь говоров Башкирии – Словарь русских говоров Башкирии. Вып. 1–6. Уфа, 1982–2005.
- Словарь говоров Мордовии – Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР. Вып. А–Г–, Саранск, 1978–; также: Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. СПб., 2008 [электронная версия 2-го, дораб. изд.].
- Словарь донского казачества – Большой толковый словарь донского казачества. Около 18 000 слов и устойчивых сочетаний. М., 2003.
- Словарь Карелии – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.
- Словарь Кузбасса – Словарь русских говоров Кузбасса. Новосибирск, 1976.
- Словарь Низовой Печоры – Словарь русских говоров Низовой Печоры. Т. 1–2. СПб., 2005.
- Словарь Одесщины – Словарь русских говоров Одесщины. Т. I–II. Одесса, 2000–2001.
- Словарь Приамурья – Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983.
- Словарь русск. говора Азербайджана – *Л.Г. Гулиева, Ф.Аг. Мамедбейли, Э.А. Гейдарова, Г.О. Керимова*. Словарь русского островного говора Азербайджана. 2-е изд. Баку, 2006.

- Словарь северных красноярских говоров – Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. Красноярск, 1992.
- Словарь семейских – Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1999.
- Словарь Сибири – Словарь русских говоров Сибири. Т. I–. Новосибирск, 1999–.
- СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
- СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–. Л./СПб., 1984–.
- Смоленский словарь – Словарь смоленских говоров. Вып. 1–II. Смоленск, 1974–2005.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1, 2. М.; Л., 1965–1966. Вып. 3–. Л./СПб., 1968–.
- Ставшина – Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры / Сост. Н.А. Ставшина. Т. I: А–М. Т. II: Н–Я. СПб., 2008.
- СУМ – Словник української мови. Т. I–XI. Київ, 1970–1980.
- Тимофеев – В.П. Тимофеев. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971.
- Ушаков – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I–IV. М., 1935–1940.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–. М., 1974–.
- Ярославский словарь – Ярославский областной словарь. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991 [нумерация выпусков, начиная со второго, – в предисловиях к ним].
- Linde – S.B. Linde. Słownik języka polskiego. T. I–VI. Warszawa, 1807–1814.
- Machek – V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.
- Sławski – F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I–. Krakow, 1952–1956– [издание не завершено].
- Warsz. Słownik – J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiecki. Słownik języka polskiego. T. I–VIII. Warszawa, 1952.

Сведения об авторе:

Анатолий Федорович Журавлев
 Институт славяноведения РАН;
 Институт русского языка РАН;
 МГУ им. М.В. Ломоносова
 afzhuravlev@yandex.ru